

И.А. УШПАРОВ*

**«СПЯЩИЙ» КОНФЛИКТ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЙ
ВОКРУГ ПРИГОРОДНОГО РАЙОНА В СЕВЕРНОЙ
ОСЕТИИ И РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ**

Аннотация: Статья посвящена анализу курсов символической политики в Ингушетии и Северной Осетии, ведущей к формированию различных интерпретаций причин и последствий событий 1992 г. В ней показано, как формируемые значимыми социально-политическими акторами и мемориальными напоминаниями дискурсы, вопреки признанию конфликта как разрешенного, не позволяют устранить причины противостояния. Автор статьи полагает, что конфликт вокруг Пригородного района стоит рассматривать как «спящий», который при наличии определенных структурных условий вновь может перейти в «острую» стадию конфронтации. Опираясь на теоретические исследования в области символической политики и политики памяти, автор приходит к выводу об их значимой роли в формировании и укреплении в массовом сознании «коллективной» памяти об этом конфликте. В статье представлены результаты анализа публикаций при помощи метода семантических сетей. Основной целью анализа являлось выявление существующих интерпретаций событий 1992 г. и статуса Пригородного района в Ингушетии и Северной Осетии. При помощи метода исследования случаев (case-study) был проведен анализ мемориальных памятников, посвященных событиям осени 1992 г. На основе полученных результатов был сделан вывод о сохранившемся конфликтном потенциале в регионе как в публичном дискурсе, так и мемориальном наследии обеих республик.

Ключевые слова: символическая политика; дискурсы; мемориалы; конфликт вокруг Пригородного района.

Для цитирования: Ушпаров И.А. «Спящий» конфликт: интерпретации событий вокруг Пригородного района в Северной Осетии и Республике Ингушетия //

* **Ушпаров Игорь Андреевич**, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: igor.usparov@mail.ru
©Ушпаров И.А., 2020 DOI: 10.31249/poln/2020.02.13

Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 256–279. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.13>

Современная Республика Ингушетия не совпадает с территориальными границами «ингушской» части Чечено-Ингушской АССР (ЧИАССР), существовавшей до 1944 г. В 1944 г., в ходе операции «Чечевица», была осуществлена депортация чеченского и ингушского населения ЧИАССР, а сама автономия была ликвидирована. Территория республики была разделена и передана «частями» в состав других административно-территориальных образований СССР. В частности, территория Пригородного района, населяемого прежде преимущественно ингушами, была присоединена к Северо-Осетинской АССР.

В 1957 г., в результате реабилитации депортированных во времена сталинских репрессий общностей, была восстановлена территориальная автономия для ингушей и чеченцев. Однако Пригородный район остался в составе соседней Северо-Осетинской АССР. Это управленческое решение заложило основы для территориального спора между Северной Осетией и Ингушетией.

В условиях авторитарной системы статус Пригородного района не мог быть открыто оспорен ингушской стороной. В период глобальной политической трансформации в СССР на рубеже 1980–1990-х годов вопрос о принадлежности этой территории встал на повестку дня. В 1992 г. на российском Северном Кавказе вспыхнул вооруженный конфликт, который обычно называют «осетино-ингушским». В основе этого конфликта лежал спор о статусе Пригородного района, который каждая из сторон считала своей территорией. Острая стадия конфликта завершилась в начале 1995 г.¹, однако до сих пор существует разница в «осетинских» и «ингушских» интерпретациях как событий того времени, так и статуса Пригородного района.

В статье исследуется, каким образом в обеих республиках воспроизводится память о конфликте вокруг Пригородного района, какими интерпретациями наделяются события 1992 г. Как бу-

¹ В феврале 1995 г. окончательно был отменен режим чрезвычайного положения в регионе конфликта.

дет показано далее, анализ интерпретаций позволяет отнести данный конфликт к категории «спящих».

Под «спящим» я буду понимать конфликт, сохраняющий в силу неустранения его основной причины потенциал перехода в «острую» фазу при определенных структурных социально-политических условиях. На официальном уровне спящие конфликты, как правило, считаются разрешенными, в отличие от «замороженных», в которых как на официальном уровне, так и в публичном дискурсе наблюдается принципиальная разница в оценках причин противостояния и «острой фазы», а также способах достижения устойчивого мира [Smetana, Ludvik, 2019, p. 4]. Для спящих конфликтов, с одной стороны, характерна видимость «устойчивого» мира между спорящими сторонами, несмотря на неразрешенность проблем, из-за которых они возникли. С другой стороны, его отличительной чертой является постоянно воспроизводимый дискурс об этих проблемах, что приводит к сохранению конфликтного потенциала, особенно при использовании инструментов символической политики и политики памяти.

Цель настоящей статьи – показать, что помимо традиционно обозначаемых в научной литературе типов конфликтов есть место и для изучения «спящих» конфликтов. Такие конфликты, несмотря на их официальное признание в качестве разрешенных, способны к «пробуждению». Конфликт вокруг Пригородного района имеет смысл рассматривать именно с этой точки зрения. Для доказательства этого тезиса я сначала уделю внимание общей теоретической рамке анализа, а затем перейду к рассмотрению той политики памяти о конфликте, которая существует в Ингушетии и Северной Осетии.

Конструирование памяти о конфликте

Для анализа памяти о конфликте были использованы постулаты конструктивистской парадигмы. Обращение к конструктивизму позволяет не только выявить содержание разницы существующих интерпретаций конфликтной ситуации и статуса Пригородного района, но и определить способы формирования этих представлений.

П. Бергер и Т. Лукман разработали подход в рамках социального конструктивизма, который объясняет происхождение тех

или иных социальных феноменов через конструирование реальности различными акторами. Для них повседневная жизнь представляет собой не что иное, как реальность, которая интерпретируется людьми [Бергер, Лукман, 1995, с. 38]. Другими словами, есть вещи, которые существуют только потому, что люди верят в их существование и разделяют между собой эти установки реальности [Searle, 1995, p. 11]. К одним из таких феноменов можно отнести и восприятие конфликтов, в том числе межгрупповых, к которым относятся межэтнические противостояния.

Разделяемые людьми представления о реальности отражены в языке. При коммуникации и взаимодействии люди посредством языка передают смыслы и интерпретации существующей реальности. Таким образом, язык играет важную роль в создании институциональной действительности, которая будет восприниматься и разделяться всеми членами сообщества [Searle, 1995, p. 59].

Для социального конструктивизма построение реальности не может обойтись без применения символического аппарата. Символы играют значимую роль как в создании определенных «мифов», так и в их распространении и укреплении в сознании людей.

Согласно теории П. Бурдьё, существенная роль в конструировании социальной реальности принадлежит символической власти. По сути, символическая власть представляет «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействовать на мир» [Бурдьё, 2007, с. 95]. Социальный мир и реальность являются конструктами, в которых символы выступают в роли инструмента для «социальной интеграции» людей. Различные общественно-политические акторы располагают символической властью. Как отмечал П. Бурдьё, именно обладающие символической властью навязывают определенные нужные смыслы публике [там же].

Актеры участвуют в формировании символической политики, которая представляет собой деятельность «по производству различных способов интерпретации социальной реальности» и борьбу «за их доминирование в публичном пространстве» [Малинова, 2013, с. 115]. При этом «публичные выступления акторов политики становятся объектами соотнесения для других участников коммуникации» [Малинова, 2013, с. 115].

Именно «от позиции политической элиты и зависят статус и оценка, которую получит то или иное событие» [Ачкасов, 2012,

с. 132]. Помимо политической элиты, присутствие интеллектуалов в конструировании определенных смыслов и концептов также играет важную роль. Таким образом, общественные и политические акторы в Северной Осетии и Республике Ингушетия не просто создают интерпретации конфликта вокруг Пригородного района и статуса спорной территории, но и влияют на степень разрешенности конфликта.

По оценкам исследователей, мы живем в мемориальную эпоху, а прошлое все более интенсивно используется в конструировании национальной или этнической истории и даже «истинной» правды¹. Несомненно, память о прошлом является социальным конструктом и поэтому подвергается различным трансформациям под воздействием внешних факторов. Для того чтобы сделать память более устойчивой, используются различные средства, например, памятники, мемориалы и другие материальные объекты. Через них транслируются и поддерживаются разделяемые интерпретации определенных событий.

Политика памяти – это «намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или переопределение отдельных фрагментов общественной памяти» [там же, с. 134]. Также политика памяти целенаправленно производит смыслы, чтобы оправдать те или иные принятые политические решения в прошлом и направить их в нужное русло. Важно подчеркнуть, что политика памяти непосредственно работает не с самим прошлым, а с социальным представлением о нем [Малинова, 2018, с. 32].

Существуют различные механизмы претворения в жизнь политики памяти: содержательное наполнение школьных учебников по истории и географии, учреждение памятных «дат» и праздников, строительство новых и реконструкция старых мемориалов, установление контроля над деятельностью СМИ и т.д. [Ачкасов, 2012, с. 134]. Значимый для сообщества конфликт также может являться одним из объектов политики памяти. Сохранение и закрепление интерпретаций его причин и последствий осуществляется через различные инструменты политики памяти. Таким обра-

¹ *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата посещения: 08.04.2018.)

зом, политика памяти и мемориальные материальные напоминания о конфликте в Северной Осетии и Республике Ингушетия создают и закрепляют интерпретации конфликта вокруг Пригородного района и статуса спорной территории.

Роль акторов в формировании памяти о конфликте вокруг Пригородного района

Как уже было отмечено, акторы способны создавать и транслировать определенные представления, смыслы и интерпретации различных событий, в частности, конфликта вокруг Пригородного района. Одним из способов трансляции являются средства массовой информации, периодические издания и цифровые медиа. В них различные акторы формируют и постоянно воспроизводят память о конфликте, о его «острой» стадии и о статусе спорной территории. Поэтому важно понять, какими интерпретациями разделяются события 1992 г.

Для анализа были взяты публикации в официальных СМИ, периодических изданиях и интернет-ресурсах Северной Осетии и Республики Ингушетия. При этом был использован метод семантических сетей, который позволяет изучить информацию с точки зрения выявления смыслового содержания, взаимоотношений и связей между элементами текста. Изначально метод фокусируется на том, как люди сопоставляют и ассоциируют слова в своих устных высказываниях, например, через текст [Basov, de Nooy, Nenko, 2019, p. 7].

Анализ семантических сетей – это, прежде всего, компьютерный метод анализа текстовых материалов [Antonyuk, 2018, p. 95]. Помимо выстраивания зависимости между словами текста, данный метод дает возможность определить центральные темы и создает вокруг этих тем связанные между собой сети. С его помощью выделяют различные смысловые элементы, независимые от текстового представления [Doerfel, 1998, p. 18].

Таким образом, анализ семантических сетей способствует поиску смыслов внутри текста. Преимущество метода перед другими традиционными методами состоит не только в подсчетах частоты употребления того или иного слова / темы, но и в фикса-

ции контекстуальных значений, формируемых в конкретных текстах [Antonyuk, 2018, p. 95].

Поиск материала внутри обозначенных ресурсов для проведения анализа осуществлялся по набору ключевых слов, а именно: «осетино-ингушский», «конфликт», «1992 год», «Пригородный район» с целью обнаружения необходимой информации, относящейся тем или иным образом к конфликту вокруг Пригородного района. В том числе были отобраны материалы, посвященные открытию мемориалов жертвам конфликта или траурным мероприятиям, в которых приводились высказывания релевантных акторов, в частности, президентов и других высокопоставленных чиновников обеих республик.

Для анализа были отобраны материалы, опубликованные с января 2012 по май 2019 г.¹ В случае Северной Осетии были использованы, во-первых, материалы республиканской молодежной газеты «Слово», которая издается на русском языке и имеет электронную версию. В газете «Слово» в период с 2012 г. по настоящее время таким критериям соответствовали шесть материалов. Во-вторых, базой для анализа стали материалы газеты «Северная Осетия», в которой были отобраны три релевантные публикации. В-третьих, был использован интернет-портал гражданской журналистики «Градус Осетии», на котором размещаются материалы и новостные сюжеты Северной Осетии. Обозначенным критериям на этом портале соответствовали семь публикаций. Помимо этого, были проанализированы официальные страницы президентов Северной Осетии с 2012 г. в социальных сетях ВКонтакте, Facebook и Instagram. За этот период были найдены три публикации, соответствующие выделенным критериям. Таким образом, всего было проанализировано 19 материалов, в которых представлена позиция осетинских акторов.

¹ Выбор временных рамок обусловлен тем, что активизация внимания к событиям прошлого, как правило, происходит в «круглые» даты событий (каждые пять или 10 лет). Мой анализ посвящен современному состоянию конфликта вокруг Пригородного района, в связи с этим в качестве нижней временной границы исследования был выбран 2012 год – 20-летняя годовщина начала «острой» фазы конфликта. Помимо этого активизация общественных дебатов внутри республик пришлось и на 25-летие трагических событий (2017). Именно на эти годы приходится пик публикационной активности материалов, посвященных конфликту.

В случае Ингушетии основу анализа составили материалы, опубликованные в газете «Сердало» – официальном СМИ Республики Ингушетия, издающемся на русском и ингушском языках. Эта газета имеет электронную общедоступную версию. В обозначенный период указанным ранее критериям соответствовали 24 публикации. Материалы газеты «Сердало» были дополнены двумя статьями, опубликованными в журнале «Кавказ и глобализация» ингушскими авторами через 20 лет после трагических событий 1992 г. В них представлена позиция членов ингушского научного сообщества относительно конфликта и статуса спорной территории. Также были проанализированы официальные страницы президента Республики Ингушетия с 2012 г. в социальной сети ВКонтакте. За этот период были найдены всего две публикации, соответствующие выделенным критериям. Таким образом, всего было проанализировано 28 материалов.

В ходе сбора и анализа данных была обнаружена одна значимая деталь. Ингушские материалы в официальных СМИ являются эмоционально окрашенными. В газете «Сердало» часто приводились личные истории и переживания по поводу событий 1992 г. и статуса Пригородного района. При этом важно подчеркнуть, что кроме официальной республиканской газеты в случае Ингушетии фактически было невозможно обнаружить релевантных материалов на интернет-ресурсах и порталах: большинство ссылок приводили на закрытые Роскомнадзором или не действующие по каким-то иным причинам сайты и страницы. Те же информационные ресурсы, которые были доступны, содержали преимущественно новостные сюжеты и хроники без эмоциональной составляющей подачи материала.

Напротив, в осетинских официальных СМИ материалы о событиях 1992 г., настоящем и прошлом Пригородного района являются, в основном, нейтральными и содержат преимущественно факты, а не их оценки. Однако в материалах с интернет-порталов, помимо обычных сухих новостных сюжетов, были обнаружены личные истории людей, переживших трагические события, а также присутствие в этих историях эмоционально окрашенных слов и описаний событий.

Также при проведении эмпирического анализа и сбора материалов мною не учитывались, к примеру, комментарии и сообщения пользователей социальных сетей, так как фокусом настоящей

статьи было рассмотрение роли общественно-политических акторов в обеих республиках. Однако при дальнейшем изучении вопроса было бы интересно рассмотреть и этот аспект.

Анализ отобранных материалов осуществлялся в несколько этапов. На первом этапе посредством использования программы AutoMap была произведена обработка данных для будущего проведения анализа семантических сетей. Automap позволяет убрать ненужные элементы текста и слов: артикли, частицы, предлоги, запятые, окончания слов и далее для формирования более точной и корректной формы текстового материала [Basov, de Nooy, Nenko, 2019, p. 13]. После обработки текстового материала был создан файл семантической сети текстов, который затем анализировался в другой специальной программе ORA-NetScenes. Эта программа позволяет работать с полученным файлом и визуализирует семантическую сеть. В данной программе на последующих этапах был произведен расчет показателей центральности и проведен качественный анализ визуализаций сетей. Создаваемые таким образом сети позволяют проследить устойчивые смысловые структуры и тем самым определить те смыслы, которые наполняют центральную тему или слово. Поэтому при анализе полученных в результате обработки данных внимание также обращалось и на силу связей. Сила связи означает количество совместных употреблений слов в определенном промежутке. Таким образом, если сила связи между словами крепкая, то это означает, что эти слова находятся либо вместе, либо рядом друг с другом в тексте.

Интерпретации конфликта 1992 г. и статуса Пригородного района: осетинская версия

Проведенный анализ показал, что для осетинского случая центральными словами являются следующие термины: «конфликт», «1992 год», «республика», «Северная Осетия», «ингушский» (Приложение 1). Для акторов Северной Осетии важное место занимает тема конфликта. Эта тема объединяет вокруг себя такие слова, как: «1992 год», «ингушский», «осетинский», «осень», «жертвы», «республика», «вооруженный». Важно отметить, что в осетинской версии интерпретаций часто используется инверсная форма наименования конфликта, а именно «ингушско-осетинский

конфликт», а не наоборот. Обычно на первое место в названиях конфликта ставят сторону зачинщика противостояния. Поэтому, используя инверсную форму, акторы Северной Осетии демонстрируют, что для них именно Ингушетия выступает стороной, которая начала вооруженный конфликт.

Анализ показал, что тема «1992 год» связана с такими словами, как: «осень», «конфликт», «событие», «Пригородный район», «жертвы» и «трагическое». Таким образом, североосетинские акторы интерпретируют 1992 г. как трагическое событие, повлекшее за собой жертвы.

Тема «ингушский» имеет связь, в том числе, со словами «конфликт», «годовщина», «экстремисты» и «жертвы». Эмоционально окрашенное существительное «экстремисты» позволяет понять интерпретацию осетинскими акторами не только событий 1992 г., но и ингушской стороны.

Словосочетание «Северная Осетия» связано со словами и словосочетаниями «Пригородный район», «защитники», «могилы» и «народ». Слово «защитники» часто встречается в осетинских материалах, особенно когда речь идет о республике или описании конфликта. При этом следует отметить, что слово «защитники» не является центральным. Однако оно связано с такими понятиями, как «осетинские», «могилы», «республика», «братские» и «погибшие». Следовательно, осетинские акторы формируют представление о конфликте как событии, случившемся по вине ингушской стороны («экстремистов»), в котором осетинам пришлось «защищать» свою республику и народ даже ценой собственных жизней.

Тема «Пригородный район» связана с понятиями «Северная Осетия», «РСО»¹, «территория», «Владикавказ», «1992 год» и «руководство». Это позволяет сделать вывод, что акторы Северной Осетии считают Пригородный район «своей территорией», частью республики, связанной со столицей региона.

Следует отметить, что тема «память» для осетинских акторов не является центральной. Как показал анализ, вокруг нее присутствуют не так много связей. Память ассоциируется, в первую очередь, с «осетинами», «погибшими» и «жертвами».

¹ Республика Северная Осетия.

Интерпретации конфликта 1992 г. и статуса Пригородного района: ингушская версия

Как и в случае осетинских акторов, для ингушей тема «1992 год» занимает особое место (Приложение 2). Она объединяет вокруг себя схожий набор понятий: «осень», «события», «трагедия», «конфликт», «жертвы». Таким образом, и у осетинских, и у ингушских акторов 1992 г. ассоциируется с трагедией и жертвами. Однако тема конфликта трактуется ингушскими акторами иначе. Она объединяет такие понятия, как «осетино-ингушский», «межнациональный», «жертвы», «последствия» и «разжигание». Примечательно, что название конфликта дается в устоявшейся форме – «осетино-ингушский», однако нередко перед этим присутствует уточнение «так называемый». Зачастую ингушские акторы употребляют эти понятия вместе, используя форму «так называемый осетино-ингушский конфликт».

Из этого можно сделать следующий вывод: у ингушских акторов, так же, как и у осетинских, закрепившееся название конфликта вызывает нарекания. Это связано с тем, что ингушская сторона не признает события осени 1992 г. в качестве конфликта или интерпретирует их как «этническую чистку» и «геноцид», но не как конфликт равных сторон. Помимо этого, ингушские акторы используют такое словосочетание, как «осетинские бандформирования», что демонстрирует их отношение к противоположной стороне. Тема «жертвы» также является одной из центральных и связанных со следующим набором слов: «память», «конфликт», «вооруженный», «бессмысленные», «политические репрессии», «трагедия».

Осень 1992 г. именуется ингушскими акторами как «трагическое событие» и является одной из центральных тем. Проведенный анализ показал, что эта тема связана со следующим набором слов: «жертвы», «память», «погибшие», «скорбь». Итак, тема трагедии является не просто центральной, но связанной с продолжающейся скорбью, памятью о жертвах событий 1992 г.

Помимо центральных тем существует набор важных смысловых областей. Так, ингушские акторы при формировании интерпретаций конфликта и статуса Пригородного района затрагивают тему «предков», что полностью отсутствует у осетинской стороны. Важной темой является и «место», которое ассоциируется с такими словами, как «проживание», «постоянное», «покинули», «вынужденно»,

«историческое», «традиционное», «переселенцы». Следовательно, для ингушских акторов события 1992 г. связаны не только с жертвами, но и с вынужденным переселением из места постоянного, исторического и традиционного проживания.

Тема «Пригородного района» связана также и с такими словами, как «территория», «проживание», «событие», «житель». Помимо этого, здесь появляется и словосочетание «этническая чистка» как характеристика событий, происходивших на этой территории в 1992 г. Следовательно, для ингушских акторов тема Пригородного района также связана и с особым восприятием событий 1992 г.

В табл. представлены результаты проведенного исследования.

Таблица

Разница интерпретаций осетинских и ингушских акторов

Основа для интерпретации	Осетинские акторы	Ингушские акторы
1992 г.	Трагическое событие, повлекшее за собой жертвы	Трагедия, память о которой сохраняется до сих пор
Конфликт	Использование инверсной формы «ингушско-осетинский», возложение ответственности на противоположную сторону	Использование приставки «так называемый», трактовка событий как геноцида и этнической чистки
Образ себя в конфликте	Защищающаяся сторона	Жертва
Образ противоположной стороны	«Экстремисты»	«Бандформирования»
Память	О павших защитниках и героях республики	О жертвах и вынужденных мигрантах
Пригородный район	Часть Северной Осетии	Территория предков, место проживания ингушей до их «изгнания» в 1992 г.

Исходя из приведенных в таблице данных можно отметить, что как для осетинских, так и для ингушских акторов конфликт 1992 г. воспринимается, прежде всего, как трагические события для обоих сообществ. Интересные расхождения в восприятии и интерпретации конфликта можно наблюдать по следующим пунктам.

Во-первых, привычное, широко распространенное название «осетино-ингушский конфликт» не устраивает обе стороны конфликта. Осетинские акторы используют инверсную форму названия конфликта, именуя его «ингушско-осетинским». Это позволяет им говорить о событиях 1992 г. как о трагедии, виновницей которой является

противоположная сторона. В свою очередь ингушские акторы также не удовлетворены официальным названием событий осени 1992 г. Свидетельством этому является частое использование приставки «так называемый». Неудовлетворенность существующим названием связана с тем, что события осени 1992 г. интерпретируются не как конфликт равных сторон, а как «геноцид» и «этническая чистка» ингушей, проживавших в Пригородном районе.

Во-вторых, осетинские акторы при интерпретации конфликта вокруг Пригородного района часто ссылаются на образ «защитника Родины», тем самым воспринимают события осени 1992 г. как агрессию со стороны соседней республики, а себя – теми, кто был вынужден защищать свою территорию. В то же время ингушские акторы интерпретируют те события совсем иначе. Использование элементов виктимизации и конструирование вокруг конфликта образа «жертвы» позволяет создать особое видение и восприятия конфликта вокруг Пригородного района. Подобная логика подтверждается и при анализе памяти о конфликте, интерпретируемой акторами в Ингушетии и Северной Осетии.

Осетинские акторы апеллируют и «помнят» о павших защитниках и героях республики, защищавших свою «землю». Для ингушских акторов память о событиях осени 1992 г. связана с жертвами, а также с большим количеством беженцев и переселенцев, которые «вынужденно покинули места традиционного места проживания».

В-третьих, при проведении анализа семантических сетей были обнаружены расхождения в интерпретации и восприятии противоположной стороны конфликта. К примеру, осетинские акторы используют термин «экстремисты» при описании образа ингушской стороны, тем самым подтверждая свой образ «защитника» в конфликте. Тем временем ингушские акторы также используют эмоционально окрашенные слова. Для них осетинская сторона выступает в роли «бандоформирований», которые спровоцировали конфликт.

В-четвертых, статус спорной территории также подвергается различным и противоположным интерпретациям. Осетинская сторона четко позиционирует Пригородный район как неотъемлемую часть республики Северная Осетия. Однако ингушская сторона нередко интерпретирует территорию как место проживания предков, которые вынужденно покинули эту землю.

Подобные конфликтующие дискурсы, транслируемые через различные механизмы политики памяти, ведут к сохранению конфликтного потенциала в регионе. Постоянная апелляция к проблеме и к существующей по сей день причине конфликта закрепляет в массовом сознании определенное виденье причин и последствий событий осени 1992 г. Несмотря на официальную «разрешенность» конфликта и видимость устойчивого «мира» между сторонами, конфликт можно характеризовать как «спящий».

Роль мемориальных напоминаний в формировании интерпретаций событий 1992 г.

Согласно конструктивистскому подходу, содержание материальных мемориальных напоминаний должно играть значимую роль в трансляции и поддержке общеразделяемых восприятий и интерпретаций определенных событий. Содержание мемориала, т.е. отраженный в нем смысл, включающий надписи, влияет на восприятие и интерпретацию конфликта вокруг Пригородного района и статуса спорной территории. Анализ мемориалов и памятников, посвященных трагическим событиям осени 1992 г., существующих в Северной Осетии и Ингушетии, был осуществлен при помощи метода исследования случая (case-study), который уже применялся другими авторами при анализе схожих мемориалов [Ваньке, Полухина, 2016]. Данный метод позволяет «выявить характеристики мемориалов и описать способы обращения с ними» [там же, с. 172].

Мемориальные напоминания: случай Ингушетии

Главным мемориальным памятником в Ингушетии, посвященным конфликту, является «Мемориал памяти жертв осени 1992 года». До этого роль основного памятного места исполняло старое кладбище, на котором похоронены погибшие в ходе вооруженного противостояния 1992 г. Масштабная реконструкция кладбища, рядом с которым теперь находится новый мемориал, была проведена в сжатые сроки фондом «Память» в 2012 г.

Мемориал планировали построить давно, однако его открытие состоялось только в двадцатую годовщину трагических событий и было приурочено, в том числе, к 20-летию Республики Ингушетия. Мемориал находится на северо-западном въезде в город Назрань, где расположено национальное мемориальное кладбище «Г1 оазот кашмаш» рядом с Алханчуртским каналом.

На территории мемориального комплекса находятся несколько сооружений. С одной стороны от входа располагается метель, с другой – символические сооружения в виде беседки и модельного дома. Центральное место занимают три черные плиты «с именами 378 погибших и 192 пропавших во время и сразу после конфликта ингушей». На двух плитах представлен «список жертв осетино-ингушского конфликта осени 1992 г. в Пригородном районе и г. Владикавказ». На другой плите указан «список без вести пропавших в результате осетино-ингушского конфликта осени 1992 г. в Пригородном районе и г. Владикавказ»¹.

На территории мемориала были установлены и могильные стелы в память о пропавших без вести в ходе конфликта. Это белые надгробия, на которых написаны имена и даты рождения.

Каждой осенью в память о трагических событиях 1992 г. проводятся митинги на территории мемориала. На эти митинги приглашаются все желающие, к активному участию в них призывают представителей органов власти, общественных и молодежных организаций, студентов и школьников. Обычно митинг завершается коллективной молитвой. По словам руководителя региона, этот памятный объект имеет общенациональное значение².

К 25-летней годовщине конфликта в Ингушетии был открыт еще один памятник «Дорога жизни». Он находится на месте пункта по приему беженцев, организованного властями Сунженского района в 1992 г. в селе Алкун. Своим названием памятник обязан тому, что «через опасный путь тысячи жителей сел Пригородного района и Владикавказа ингушской национальности через горы вы-

¹ В Назрани открыт Мемориал памяти жертв осетино-ингушского конфликта // Портал Южного региона [Офис. сайт]. – 2012. – Режим доступа: <https://www.yuga.ru/news/263900/> (дата посещения: 19.05.2018.)

² Работы по реконструкции национального мемориального кладбища «Г1 оазот кашмаш» завершатся 10 мая // Республика Ингушетия [Офис. сайт]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.ingushetia.ru/news/016137/> (дата посещения: 19.05.2018.)

ходили в Сунженский район, спасая свои жизни»¹. Таким образом, «Дорога жизни» призвана напоминать не только о тяжелых последствиях конфликта, но и о мужественности и сплоченности ингушского народа. Для населения республики это память не только о погибших людях, но и о героях, которые оказали помощь и спасли тысячи жизней.

Памятник представляет собой каменную глыбу, в середине которой высечены силуэты ингушских семей, где старики и женщины держат на руках младенцев и детей. На самом монументе написаны большими золотыми цифрами дата «1992» и ниже под ней «Никто не забыт. Ничто не забыто. В память и назидание...». Примечательно, что авторы памятника выбрали строчку из стихотворения О. Берггольц, написанного специально для мемориала на Пискаревском кладбище, где похоронены жертвы блокады Ленинграда. Название памятника – «Дорога жизни» – также отсылает к истории блокады. Посредством этого авторы попытались закрепить представления о конфликте как о трагедии, сопоставимой с той, которую пережили жители блокадного Ленинграда во время Второй мировой войны. На камне, стоящем непосредственно перед монументом, указано, что это «памятник благодарности жителям Ингушетии, оказавшим помощь старикам, женщинам и детям из Пригородного района и города Владикавказа в ходе трагических событий осени 1992 года».

Таким образом, существующие монументы призваны формировать представление о конфликте как неотъемлемой части истории ингушей. Подобные мемориалы существуют не только как места памяти, но служат для сохранения и постоянного воспроизводства определенных интерпретаций. Суть этих интерпретаций состоит в следующем: ингушское население Пригородного района стало жертвой конфликта. Многие погибли или пропали без вести, но еще больше людей были вынуждены покинуть свои дома и испытать участь вынужденных мигрантов. Вместе с тем во время конфликта ингуши продемонстрировали единство и героизм, помогая беженцам, о чем напоминает памятник «Дорога жизни».

¹ В Ингушетии прошли мероприятия памяти жертв трагических событий осени 1992 года и политических репрессий // Республика Ингушетия [Офф. сайт]. – 2017. – Режим доступа: http://www.ingushetia.ru/news/v_ingushetii_proshli_meropriyatiya_pamyati_zhertv_tragicheskikh_sobytyiy_oseni_1992_goda_i_politiches/ (дата посещения: 19.05.2018.)

Мемориалы являются не просто материальными объектами, но и местами проведения траурных памятных мероприятий, которые в Ингушетии проводятся в каждую годовщину трагических событий 1992 г. В октябре 2010 г. Ю. Евкуров подписал Указ об установлении памятной даты 30 октября в качестве «Дня памяти жертв трагических событий осени 1992 года»¹.

Мемориальные напоминания: случай Осетии

Одним из важных мемориальных комплексов в Северной Осетии является «Мемориал славы», расположенный во Владикавказе. Смысл мемориала – отразить историю осетин, однако его основная скульптурная композиция посвящена 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Центральный вход в мемориал украшен большой триумфальной аркой. Комплекс был открыт в 2005 г. (в 60-ю годовщину окончания ВОВ), но в составе композиции есть и памятники, посвященные недавним трагическим событиям, – погибшим в результате конфликта вокруг Пригородного района и жертвам теракта в Беслане. Таким образом, трагические события 1992 г. представлены как одна из страниц осетинской истории.

Мемориал, посвященный жертвам конфликта, находится на Аллее славы. Он включает в себя могилы погибших «защитников республики» в ходе конфликта 1992 г. На черных надгробных плитах изображены портреты военнослужащих. В каждую годовщину трагических событий здесь проходят памятные митинги, на которых присутствуют глава республики, высокопоставленные чиновники, представители религиозных и молодежных организаций. В ходе памятных мероприятий по традиции возлагаются цветы к могилам погибших. Таким образом, в Северной Осетии конфликт не просто вписан в историю региона, но интерпретируется как трагическая и одновременно героическая ее страница. Другими словами, это событие предстает как защита интересов республики и ее населения.

Помимо мемориального комплекса во Владикавказе на территории Пригородного района также существуют «братские моги-

¹ Указ Главы Республики Ингушетия № 217 «О Дне памяти жертв трагических событий осени 1992 года» от 30.10.2010.

лы защитников республики»¹. Часто поминальные мероприятия начинаются с селения Камбилеевское, где находятся такие могилы, надгробия которых облицованы черным мрамором. Напротив братских могил поставлены памятники. Один из памятников представляет собой высеченные четыре женских и пять мужских лиц разных поколений в камне. Двое из мужчин держат в руках оружие. В середине камня стоит крест, на котором изображен герб. На территории мемориала есть также статуя женщины, которая держит в руках букет цветов. Рядом со статуей расположен Вечный огонь как символ памяти о погибших защитниках. Открытие мемориала состоялось еще в ноябре 1993 г., а в 25-ю годовщину конфликта памятник был отреставрирован. Подобные братские могилы находятся и в селе Октябрьское Пригородного района.

Анализ мемориалов, существующих в Северной Осетии, показывает, что память о конфликте играет значительную роль в истории региона. Здесь трагические события осени 1992 г. предстают как «незабываемая страница в истории современной Осетии. Сколько бы лет не прошло с тех печальных событий, подвиг павших героев навсегда останется в народной памяти»². Ежегодно в республике проходят памятные мероприятия, приуроченные к годовщине конфликта. На этих мероприятиях, в первую очередь, вспоминают «защитников республики». В выступлениях главы региона отмечалось: «В очередной раз скорбим по тем, кто погиб, защищая свою землю»³. Превращение братских могил в места памяти означает, что для осетинской стороны интерпретация конфликта строится вокруг концепта «защиты».

30 октября 1992 г. действительно является скорбной датой для каждой из сторон конфликта. Однако существует принципиальная разница в интерпретации событий осени 1992 г. Ингушская интерпретация состоит в том, что ингуши стали жертвами кон-

¹ В Северной Осетии прошли памятные мероприятия к 25-й годовщине осетино-ингушского конфликта // Градус Осетии [Официальный сайт]. – Режим доступа: <http://gradus.pro/v-severnoj-osetii-proshli-pominal-ny-e-meropriyatiya-priurochenny-e-k-25-j-godovshhine-oseтино-ingushskogo/> (дата посещения: 19.05.2018.)

² В Северной Осетии почтили память жертв трагедии осени 1992 года // Газета Слово [Официальный сайт]. – 2016. – Режим доступа: http://gztслово.ru/news_full_page/novosti/V-Severnoj-Osetii-pochtili-pamyat-zhertv-tragedii-oseni/ (дата посещения: 19.05.2018.)

³ Там же.

фликта вокруг Пригородного района. В то же время ингуши стараются показать, что во время конфликта ингушский народ продемонстрировал мужество, спасая тысячи жизней вынужденных мигрантов из Пригородного района. Иная интерпретация событий 1992 г. прослеживается в Северной Осетии. Здесь октябрь-ноябрь 1992 г. расценивается не только как трагическое, но и героическое событие, в котором были защищены интересы республики и ее населения. Это соответствует выявленным ранее интерпретациям конфликта, которые транслируют осетинские и ингушские акторы.

Проанализировав мемориальные напоминания о конфликте и основные интерпретации их в обеих республиках, можно сделать вывод, что мемориалы сохраняют и закрепляют спорные интерпретации конфликта вокруг Пригородного района 1992 г., поддерживая тем самым разницу в восприятиях причин и последствий конфликта. Это ведет к сохранению конфликтного потенциала в регионе. Постоянное обращение к мемориалам, посещение мест памяти о событиях осени 1992 г. и проведение траурных мероприятий на них свидетельствуют о существующей «неразрешенности» конфликта.

Итоговые замечания

До сих пор можно отметить отсутствие явного консенсуса по поводу причин и последствий событий 1992 г. Таким образом, существование «устойчивого мира» может быть подвергнуто сомнению. Несмотря на то что прошло уже более 27 лет со дня окончания острой фазы конфронтации, эксперты и наблюдатели отмечают сохранившийся конфликтный потенциал в регионе. Например, в 2016 г. отмечалось: «Достаточно провести мониторинг социальных сетей осетинских и ингушских пользователей, высказывающихся по этой теме, чтобы убедиться в наличии существующей проблемы. Конфликт, подобно потухшему вулкану, дремлет до поры до времени...»¹

На фоне возникшего спора по поводу обмена территориями между Ингушетией и Чечней вновь становится «на повестку дня

¹ Акиев Т. Как федералы пожар керосином тушили // Правозащитный центр «Мемориал» [Официальный сайт]. – 2016. – Режим доступа: <https://memohrc.org/ru/blogs/kak-federaly-pozhar-kerosinom-tushili> (дата посещения: 29.03.2018.)

притушенный, но так и не урегулированный осетино-ингушский конфликт 1992 г.»¹. Так, на мартовских митингах 2019 г. в Ингушетии одним из требований митингующих было вернуть обратно Пригородный район в состав республики².

На сегодняшний момент нет консенсуса ни по поводу причин возникновения конфликта, ни в интерпретациях причин и последствий «острой» фазы конфронтации. Это позволяет отнести конфликт к категории «спящих». При этом ведущая роль в формировании и поддержании противоположных интерпретаций принадлежит символической политике и политике памяти. Транслируемые в речах ключевых акторов и мемориалах оценки событий 1992 г. заставляют жителей обеих республик «помнить» причины и природу возникновения открытого противостояния, сохраняя тем самым конфликтный потенциал в регионе.

Список литературы

- Ачкасов В.А.* Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» // Символическая политика. – М.: РАН. ИНИОН, 2012. – Вып. 1.: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 126–149.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 124 с.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Ваньке А.В., Полухина Е.В.* Политика памяти и военные мемориалы в России: Сравнивая Поклонную гору в Москве и Мамаев курган в Волгограде // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (7–10 апреля 2015 г.). – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. – Кн. 2. – С. 171–180.

¹Ингушетия: митинг против пересмотра границ и в поддержку решения Конституционного суда РФ // Правозащитный центр «Мемориал» [Официальный сайт]. – 2018. – Режим доступа: https://memohrc.org/ru/news_old/ingushetiya-miting-protiv-peresmotra-granic-i-v-podderzhku-resheniya-konstitucionnogo-suda (дата посещения: 29.03.2019.)

²Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников. Весна 2019 г. Бюллетень правозащитного центра «Мемориал». – Москва, 2019. – 28 с.

- Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. трудов / под. ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – М.: Нестор-История, 2018. – С. 27–53.
- Малинова О.Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология: журнал мегадисциплинарных исследований. – 2013. – № 1. – С. 114–130.
- Antonyuk A.* The Changing meaning of privacy in information technology debates: evidence from the Internet governance forum // International conference on Internet Science, 24–26 October 2018, St. Petersburg / S.S. Bodrunova (ed.). – Cham: Springer, 2018. – P. 92–100.
- Basov N., de Nooy W., Nenko A.* Local meaning structures: mixed-method sociosemantic network analysis // American journal of cultural sociology. – 2019. – P. 1–42. – DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-019-00084-9>
- Doerfel M.* What constitutes semantic network analysis? A comparison of research and methodologies // Connections. – 1998. – Vol. 21 (2). – P. 16–26.
- Searle J.R.* The Construction of social reality. – N.Y.: Simon and Schuster, 1995. – 256 p.
- Smetana M., Ludvik J.* Between war and peace: a dynamic reconceptualization of «frozen conflicts» // Asia Europe journal. – 2019. – Vol. 17, N 1. – P. 1–14. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10308-018-0521-x>

I.A. Ushparov*

«Sleeping» conflict: interpretations of events around the Prigorodny district in North Ossetia and the Republic of Ingushetia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the courses of symbolic politics in Ingushetia and North Ossetia leading to the formation of various interpretations of the causes and consequences of the events of 1992. It shows how discourses formed by significant socio-political actors and memorial reminders contrary to the recognition of the conflict as resolved, do not eliminate the causes of confrontation. The author of the article believes that the conflict around the Prigorodny district should be considered as «sleeping», which in the presence of certain structural conditions can again go into the «acute» stage of confrontation. Based on theoretical studies in the field of symbolic politics and politics of memory the author comes to the conclusion about their significant role in the formation and strengthening in the mass consciousness of a «collective» memory of this conflict. The article presents the results of the analysis of publications using the method of semantic networks. The main purpose of the analysis was to identify existing interpretations of the events of 1992 and the status of the Prigorodny district in Ingushetia and North Ossetia. Using the case-study method, an analysis of me-

* **Ushparov Igor**, Saint Petersburg state university (Saint Petersburg, Russia), e-mail: igor.ushparov@mail.ru

memorials dedicated to the events of the fall of 1992 was carried out. Based on the results it was concluded that the conflict potential remained in the region both in public discourse and in the memorial heritage of both republics.

Keywords: symbolic politics; discourses; memorials; conflict around the Prigorodny district.

For citation: Ushparov I.A. «Sleeping» conflict: interpretations of events around the Prigorodny district in North Ossetia and the Republic of Ingushetia. *Political science (RU)*. 2020, N 2, P. 256–279. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.13>

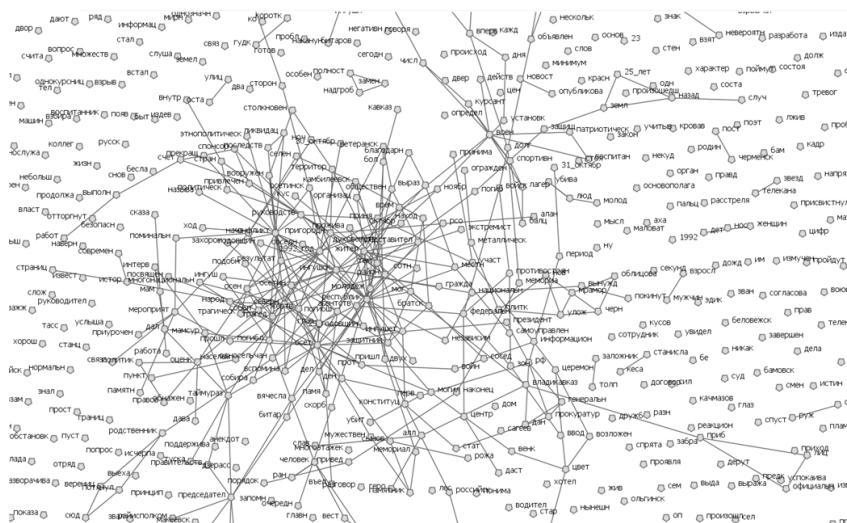
References

- Achkasov V.A. The role of the political and intellectual elites of the post-communist states in the production of the «politics of memory». In: *Symbolic Politics. Issue 1: Constructing cognitions about the past as a resource of power*. Moscow: INION RAS, 2012, P. 126–149. (In Russ.)
- Antonyuk A. The changing meaning of privacy in information technology debates: evidence from the Internet governance forum. In: Bodrunova S.S. (ed). *International conference on Internet Science, 24–26 October 2018, St. Petersburg*. Cham: Springer, 2018, P. 92–100.
- Basov N., de Nooy W., Nenko A. Local meaning structures: mixed method socio-semantic network analysis. *American journal of cultural sociology*. 2019, P. 1–42. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-019-00084-9>
- Berger P., Luckmann Th. *The social construction of reality. A Treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 1995, 124 p. (In Russ.)
- Bourdieu P. *Sociology of social space*. Moscow: Institute of experimental sociology; Saint Petersburg: Aletheia, 2007, 288 p. (In Russ.)
- Doerfel M. What constitutes semantic network analysis? A comparison of research and methodologies. *Connections*. 1998, Vol. 21(2), P. 16–26.
- Malinova O. Yu. The politics of memory as an area of symbolic politics. In: Miller A.I., Efrementko D.V. (eds). *Methodological issues of the study of the politics of memory: collection of scientific papers*. Moscow: Nestor-Istoria, 2018, P. 27–53. (In Russ.)
- Malinova O. The problem of politically suitable past and evolution of official symbolic politics in the Post-Soviet Russia. *The political conceptology: journal of metadisciplinary research*. 2013, N 1, P. 114–130. (In Russ.)
- Searle J.R. *The construction of social reality*. New York: Simon and Schuster, 1995, 256 p.
- Smetana M., Ludvik J. Between war and peace: a dynamic reconceptualization of «frozen conflicts». *Asia Europe journal*. 2019, Vol. 17, N 1, P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10308-018-0521-x>
- Vanke A.V., Polukhina E.V. Memory policy and war memorials in Russia: comparing Poklonnaya Gora in Moscow and Mamaev Kurgan in Volgograd. In: *XVI April international scientific conference on the problems of economic and social development (April 7–10, 2015). Book 2*. Moscow: HSE Publishing house, 2016. P. 171–180. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

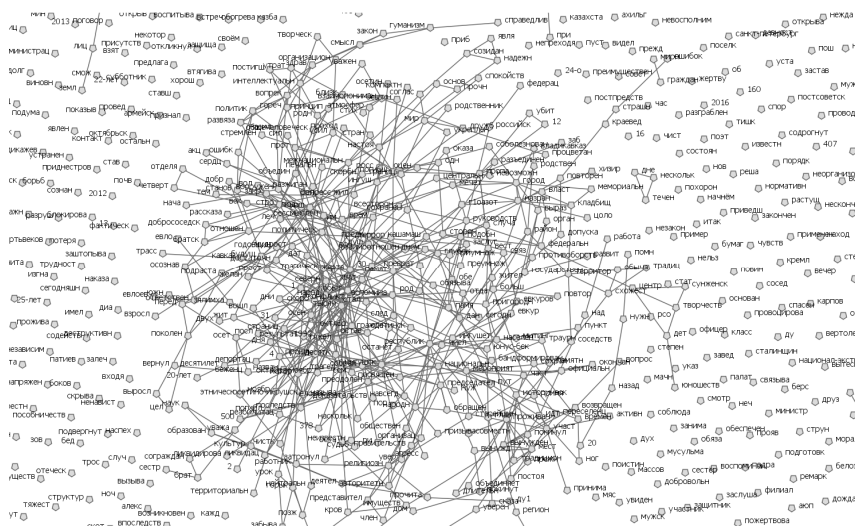
Анализ семантических сетей: акторы Северной Осетии

Общая картина связей (сила связи больше единицы)

Приложение 2

Анализ семантических сетей: акторы Республики Ингушетия

Общая картина связей (сила связи больше единицы)